

Юлия Линцбах: Незаказанный портрет

Упадок портрета в XX веке – общее место искусствоведения. На магистральных путях изобразительного искусства художник освободился от заказчика, портрет утратил свое утилитарное назначение, главным критерием портрета – сходством – давно пренебрегают как чем-то всего лишь утилитарным, не творческим, ремесленным. Лицо, с которого он пишется, всего лишь предлог для решения иных задач, отправная точка для создания эстетически ценного объекта, образа. Но вместе со сходством исчезает сложная индивидуальная психология. Психологичность осталась у экспрессионистов, но от палитры душевных качеств берется немного и форсируется – внятна не индивидуальность портретируемого, а только состояние или эмоция. Эмоция, которая не столько извлекается, сколько вкладывается. Или та эмоция, которую вызывает модель у художника.

Но в официальном советском искусстве традиционный портрет якобы остался. Ибо тут не произошло освобождения художника, остался заказчик и контролер – советская власть. В портрете сохранилось сходство, но лишь внешнее, приблизительное; что до характера портретируемого, тут царила удаленность от конкретного, стереотипы, типизация, идеализация, в итоге – банальность.

В этой общей картине место Юлии Линцбах – постсоветская живопись, выкарабкивающаяся из соцреализма, перерабатывающая уроки модернизма: самоценность цвета, способности обострения. И не посчитавшаяся с постмодернистами, объявившими, что «портрет умер». И что психологизм смысла не имеет.

Юлия обрадовала возвращением в портрет одушевленности и точнейшей психологической характеристики. Причем не обратившись туда, где она была утрачена, а на иной формальной основе – на основе широкой живописной манеры. Обычно в такой манере портрет лишь напоминает модель, не озабочиваясь глубоким проникновением в характер.

В гладкой живописи через иллюзорно воспроизведенную плоть могла быть передана сложнейшая психология. В широкой эскизной манере зритель видит не складки кожи, не рисунок морщин, а крупные мазки, способ наложения краски, ее фактуру. Психологическое вос создается не через бесчисленные мелочи плоти, но через аналоги, эквиваленты: психологическое значение цвета и формы, жестикуюляцию мазков, асимметрию или соразмерность. Через позу, жест, положение рук, посадку головы. Через вторгающуюся в живопись лица графику: полосу носа, дуги бровей, изгиб губ.

Особенность работы Юлии Линцбах над портретами: модель ей не позирует, пусть вас не обманывают сидящие фигуры. Она пишет по памяти. Память сохраняет не все. Вот портрет художника Феликса Волосенкова. Сличая его с фотографией, видишь: какие-то черты – линия бровей, рта – переданы неточно. Точно воссоздано производимое этим человеком впечатление. Форма головы, кажется, чуть иная, но в таком виде она резче передает ощущение напора, непробиваемости, характерное для модели.

Да, именно впечатление от человека пишет Юлия Линцбах. То, что западает в душу. Может быть потому наименее похожими кажутся автопортреты, передающие ее знание о себе, а не то, как она воспринимается извне. И словно ей при писании недостает тех чувств, которые вызывают в ней другие.

На портретах Юлии разве что сама модель может себя не признать. Человек не представляет, каков он в чужих глазах. Модели портрет может не понравиться – мало кто доволен тем, что напоказ выставлена его несчастливость, – герои Юлии обычно таковы. И как полагается у живописца, не персонаж красив, а картина. Небрежный, неровный контур, некоторая растрепанность и рыхлость, слегка утрированная асимметричность, глаза резко разные. И в психологии, и в форме что-то немного обостряется – например еще большими делаются большие глаза – или, напротив, гасится. Мягкая, сдержанная экспрессия порой все-таки переходит в гротеск.

Цвет выступает как самостоятельная стихия даже в лице, а уж одежда, фон – иногда, можно сказать, разгул абстрактного экспрессионизма. В цвете, как сигнал эмоциональной напряженности, иногда возникают контрасты, например лица и фона, одежды и фона, но чаще отношения сближены.

Еще один способ сдержанно-драматизирующего контраста – свет, выхватывающий часть лица. Свет и сумрак.

Художники с сильно выраженным стилистическим началом модель преобразуют, является образ, производный от стиля, примером может служить Модильяни. Для Юлии Линцбах важен не стиль, а стихия живописности. Что не означает отсутствия индивидуальности.

Юлия не страдает распространенным пороком портретистов – похожестью персонажей на самого художника. Но и когда художник, обладающий индивидуальностью, этим не грешит, психологическое в портрете всегда – сплав из психологии портретируемого и его собственной. Художник вкладывает нечто, объединяющее его персонажей, — например, доброта у Рембрандта. Или чувство не имеет названия в силу своей единственности – узнаваемо, но несказанно выражение лиц у Боттичелли. Работы Юлии узнаваемы по интонации, по ее отношению к модели – мягкой иронии, тихому, нежному и беспощадному вниманию, сочувствию и скепсису. Конечно, тут есть градация: в портрете отца преобладает нежность, в портрете искусствоведа Александра Григорьева – сарказм.

Чаще отношение все-таки любовное. Но это любовь без лести, истинный интерес, который не отворачивается от неприятного. Он-то и есть стимул для написания незаказанного портрета. Юлия настолько сосредоточена на человеке, что, когда нужно было написать натюр-морт, она избрала скульптурные изображения человеческих голов.

Работая над портретами, Юлия находится в состоянии замороженности моделью, ей от нее не оторваться, так что она делает второй, третий вариант. Это для пишущего о ней представляет затруднение. Трудно без фотографии указать, о каком из портретов идет речь. Варианты различаются степенью подробности, иногда (например, в портрете художника Владимира Паршикова) приводят к знаку индивидуальности. Иногда это воссоздание разных состояний модели.

Художник мерится высотой того, что он способен передать. Юлия может передать гениальность и трагичность в ее обостренности. Свидетельство тому один из портретов писателя Самуила Лурье, вдохновленный впечатлением от его текстов. Портрет посмертный.

Художник-портретист, пишущий портреты, которые обычно не нравятся ни модели, ни близким, а остальным к чему чужой портрет, находится в подвешенном состоянии. Он относится к своему занятию как к некой роскоши. Но, думаю, работы Юлии Линцбах выдержат испытание временем, по прошествии которого портрет утрачивает свою утилитарную функцию – нам безразлично, похожа ли Мона Лиза на ту, что позировала, нам даже безразлично, существовала ли она вообще, – и будут иметь значение только красота, выразительность, насыщенность, живость и уникальность – всеми этими качествами обладают портреты Юлии Линцбах.